

И. А. Миролубов
(Московский гос. объединенный музей-заповедник)

VITA SATURNINI: ОПЫТ КОММЕНТАРИЯ К ВЫДУМАННОМУ ЖИЗНЕОПИСАНИЮ

Статья посвящена жизнеописанию узурпатора Сатурнина, современника императора Галлиена, из сборника *Scriptores Historiae Augustae*. В научной литературе устоялось мнение о том, что данный персонаж является вымышленным лицом. Принимая эту точку зрения, автор сосредотачивает свое внимание на поисках прототипов различных эпизодов биографии. Само жизнеописание рассматривается как литературное произведение, в котором античный писатель попытался изобразить картину внутреннего состояния узурпатора.

Ключевые слова: *Scriptores Historiae Augustae*, Сатурнин, Галлиен, Валериан, римский император, древнеримская биография, источниковедение Древнего Рима, кризис III века.

Ivan A. Mirolyubov
(Moscow State Integrated Museum-Reserve)

Vita Saturnini: commentary on a fictional biography

Among the most important narratives on the history of the crisis of the Roman Empire in the third century is the collection of imperial biographies known as “*Scriptores Historiae Augustae*” (SHA). The abundance of references to non-existent sources, fictitious quotes and anachronisms makes this work difficult for perception and research work. One of the most difficult sections within this collection is Chapter XXIII, “*Tyranni Triginta*”. It tells about the usurpers during the reign of the emperor Gallienus. In an effort to bring the number of tyrants to the figure stated in the title, the author invented several personalities and among them — a certain general named Saturninus. Researchers have expressed a reasonable opinion that this is a fictional character. The present article examines the biography of Saturninus in search of prototypes, and also generally explores the author’s method of writing a fantastic biography. The study revealed several notable aspects. First, the author saturates a relatively small text with allusions, both explicit and hidden. Second, the life story itself is a clever trap for the researcher. It itself contains a minimum of specifics: we do not know the year, nor the place of the proclamation of Saturninus, nor the military units that he commanded, nor the duration of his usurpation. At the same time, in other parts of the collection, we can find some details that, at first glance, could complement an uninformative biography (for example, messages about people with the name Saturninus).

However, the author, either in direct text or through silence, does not provide an opportunity to identify these people. Thirdly, the biography of the usurper Saturninus contains a rare example, almost unique in ancient literature, of illuminating the internal emotional state of a Roman military leader who decided to gain power through usurpation. This, in turn, shows that SHA is a complex and multifaceted text, the research of which is a promising topic in the framework of the source study of Ancient Rome.

Key words: Scriptores Historiae Augustae, Saturninus, Gallienus, Valerianus, Roman emperors, genre of biography in ancient Rome, source study of Ancient Rome, crisis of the 3rd century.

К числу важнейших памятников римской историографии относится сборник императорских биографий, известный под названием *Scriptores Historiae Augustae* (далее — SHA¹). Трактат заявлен как сочинение шести авторов, за псевдонимами которых скрывается, по всей видимости, один сочинитель или редактор². Биографии императоров наполнены ссылками на вымышленные источники и анахронизмами. Объем вымысла растет по мере перехода к биографиям императоров III века. Это вполне понятно: правители этого кризисного периода слабо освещены в нарративной традиции, которая сама в этот период времени переживает серьезный упадок. В науке устоялось несколько негативное отношение к SHA как источнику информации. Вместе с тем, в ряде моментов трактат — уникальный источник, а кроме того он интересен как литературный памятник.

¹ Сочинению посвящено немало работ. Общий обзор мнений и характеристику этого произведения можно найти в изданиях: (Albrecht 2005: 1516–1519; Birley 2003: 127–149). Текст источника приводим по изданию Э. Холя (Hohl 1965), перевод — С. П. Кондратьева под редакцией А. И. Доватура (Доватур 1992).

² Эта точка зрения была высказана еще в XIX веке Г. Дессау, однако в дальнейшем дискуссия была продолжена с опорой на новейшие, компьютерные методы исследования текста. В настоящее время на вопрос об авторстве, как кажется, исчерпывающий ответ еще не дан (Hengst 2010: 177–185). В данной работе мы сосредоточимся на блоке биографий, подписанных «Требеллием Поллионом» и, в меньшей степени, «Флавием Вописком». По мнению Д. ден Хэнгста, за этими псевдонимами может скрываться редактор, который объединил весь сборник, включив в него биографии более ранних императоров (Hengst 2010: 182). В ходе исследования мы покажем, что по интересующему нас вопросу — конструкции биографии узурпатора Сатурнина — между двумя «авторами» присутствуют определенные связи.

Одна из наиболее необычных глав в составе сборника — XXIII, под названием «*Tyranni Triginta*» («Тридцать тиранов»). Вместе с жизнеописаниями императоров Валериана, Галлиена и Клавдия Готского она входит в блок, написанный «Требеллием Поллионом». В ней рассказывается о многочисленных узурпаторах, чьи выступления имели место при Галлиене, на правление которого приходится апогей кризиса III века (Southern 2001: 81–108; Potter 2004: 257–262). Числом тридцать автор стремится показать высокую степень децентрализации Римского государства. Впрочем, в подсчете тиранов он не согласен сам с собой. В рукописях жизнеописания Галлиена мы встречаем указание на «почти двадцать тиранов» (SHA Gall. duo 16.1³), а в биографии Клавдия, со ссылкой на фиктивное письмо этого императора, отмечено, что тиранов было шестьсот (SHA Claud. 9.1). Эта неточность указывает на искусственный характер этих подсчетов. Выбор в пользу именно «тридцати тиранов» легко объясним параллелью из истории Афин, где режим «тридцати тиранов» был установлен спартанцами после их победы в Пелопонесской войне. Впрочем, заявленное количество тиранов поставило автора перед необходимостью написать именно тридцать биографий узурпаторов. Отечественные комментаторы верно заметили, что в случае отсутствия материала глава наполнялась вымыслом, причем иногда речь идет о полностью выдуманных личностях (Доватур 1992: 365). Впрочем, тиранов «набралось» в итоге больше тридцати. Сам автор признает, что увлекся: *longius mihi videor processisse quam res postulabat. sed quid faciam?* (SHA Tyrann. trig. 32.7).

Из числа упомянутых в главе узурпаторов особое внимание привлекает некто Сатурнин. Его жизнеописание расположено ближе к концу главы, когда автор вычерпал из имеющихся у него источников большую часть информации. Интересен этот узурпатор тем, что на первый взгляд кажется совершенно реальным лицом, коль скоро узурпатор с таким именем⁴ известен по сообщениям античных авторов (Kienast 2004: 256–257) и, что крайне важно, данным нумизматики (Webb 1968: 591). Время его активности выпадает на правление императора

³ Данные рукописей к этому месту — смотри во втором томе SHA в издании Холя (Hohl 1965: 94).

⁴ На монетах содержится его полное имя: Гай Юлий Сатурнин. Чтобы не путать его с Сатурнином — современником Галлиена (Сатурнин-узурпатор), далее будем называть эту персону Юлием Сатурнином.

Проба, но с учетом свободно расширяющихся хронологических рамок в рассказе «Треbelлия Поллиона» о тиранах это могло бы нас не смущать. Однако коллега «Треbelлия Поллиона», «Флавий Вописк», предвосхищает такой ход мысли и сообщает, что это разные люди (SHA Firmus et al. 11.1). Впрочем, ряд исследователей справедливо отмечал некоторые параллели между их жизнеописаниями (Stein 1921: 213; Hohl 1939: 130; Estiot 2002: 239; Johnе 2008: 49). Еще один Сатурнин фиксируется в фаcтах как коллега императора Галлиена по консульству в 264 году. Однако попытки отождествить Сатурнина-узурпатора и Сатурнина-консула, встречающиеся в историографии (Jones, Martindale, Morris 1971: 805), упираются в молчание «Треbelлия Поллиона», которое нельзя объяснить авторской безалаберностью: Сатурнин-консул известен автору (SHA Gall. duo 10.1⁵); кроме того, в жизнеописании еще одного узурпатора, Цензорина, он приводит подробный перечень должностей, где мы встречаем и двукратный консулат (SHA Tyrann. trig. 33.1). Принимая широко распространенное мнение о том, что Сатурнин-узурпатор — вымышленное лицо (Barnes 1972: 171; Estiot 2002: 239; Kienast 2004: 230), мы, тем не менее, не можем попросту отбросить его жизнеописание. Несмотря на отсутствие исторической информативности, оно является по-своему уникальным памятником — фантастической биографией вымышленного императора. В этой связи интерес вызывают прототипы вымышленного узурпатора и авторский метод написания вымышленной биографии.

Знакомство читателя с биографией Сатурнина начинается с фразы, которая призвана представить героя читателю: *Optimus ducum Gallieni temporis, sed Valeriano delectus, Saturninus fuit* (SHA Tyrann. trig. 23.1). Характерно само построение предложения: сведения, рекомендующие протагониста, предваряют его собственное имя. Жизнеописание начинается со слова *optimus* («наилучший»), которое сразу указывает, что речь пойдет о достойном человеке (*vir bonus*). Титул *optimus* в римской историографии имел прочные ассоциации с именем

⁵ Впрочем, С. Эстиот, отмечая «соседство» Сатурнина-узурпатора и Сатурнина-консула, видит в этом сознательный шаг автора, стремящегося вызвать нужные ассоциации (Estiot 2002: 239). Составители старой «Просопографии Римской империи» не соотносили известия о Сатурнине-консуле и Сатурнине-узурпаторе (Rohden, Dessau 1897: 176). С этим согласен и Т. Д. Барнс (Barnes 1972: 171).

императора Траяна. Эта отсылка особенно примечательна в контексте *imitatio Traiani* — идеологической практики, распространенной среди императоров позднего Рима⁶. Прием сравнения с Траяном известен нашему автору: он использует его в жизнеописаниях узурпатора Викторина (SHA *Tyrann. trig.* 6.6) и Клавдия Готского (SHA *Claud.* 2.3; 18.4). С точки зрения информативности предложение на первый фразе весьма обстоятельно: мы узнаем, что Сатурнин был отмечен императором Валерианом («но особенно любил его Валериан») и принадлежал к числу лучших военачальников Галлиена (отметим еще раз, что автор при этом молчит о консулате, который бы позволил ему придать рассказу большую достоверность). Высокое положение Сатурнина в армии подтверждается «Требеллием Поллионом» и в жизнеописании Галлиена (SHA *Gall. duo* 9.1). Однако при более тщательном рассмотрении становится ясно, что достойное положение при дворе Валериана и Галлиена — общее место. Сюжет о том, как Валериан выделял кого-то из военачальников, повторяется «Требеллием Поллионом» в жизнеописании императора Клавдия Готского (SHA *Claud.* 14) и «Флавием Вописком» — в биографиях императоров Аврелиана (SHA *Aurel.* 8–14) и Проба (SHA *Probus* 4). Примечательно, что в биографии Аврелиана этот рассказ сопровождается фантастической историей о том, как его усыновил влиятельный советник Валериана и дальний родственник Траяна, некто Ульпий Кринит. Здесь примечательно соединение таких мотивов, как расположение Валериана и отсылка к образу Траяна. Таким образом, первая фраза являет собой соединение элементов, разработанных в других жизнеописаниях сборника; никакой уникальной информации здесь нет. Единственное конкретное известие — это указание, что мы должны локализовать пик карьеры и узурпацию Сатурнина в рамках правления императора Галлиена, при этом конкретной даты не дано⁷.

Представив Сатурнина читателю, автор переходит к обстоятельствам провозглашения, которые сопровождает краткой характеристикой персонажа: *hic quoque, cum dissolutionem*

⁶ Яркими примерами является пропаганда императоров Константина Великого, стремившегося состязаться с Траяном в славе (Barnes 2014: 165–166), и Феодосия Великого, который был земляком Траяна и претендовал на родство с ним (*Epitome de caes.* 48.8).

⁷ К.-П. Йоне предлагал датировать эту вымышленную узурпацию 262 годом (Johns 2008: 49).

Gallieni, pernoctantis in publico, ferre non posset et milites non exemplo imperatoris sui sed suo regeret, ab exercitibus sumpsit imperium, vir prudentiae singularis, gravitatis insignis, vitae amabilis, victoriarum barbaris etiam ubique notarum. Характеристика Сатурнина не выходит за рамки обычных свойств, которыми должен обладать *vir bonus* — это *prudentia* (благоразумие) и *gravitas* (достоинство). Здесь эти качества важны еще и для того, чтобы противопоставить Сатурнина Галлиену, моральный облик которого критикует античная традиция. Соответственно, вполне логично выглядит причина провозглашения — невозможность терпеть распущенность Галлиена. «Требеллий Поллион» во введении к жизнеописаниям «тридцати тиранов» рассматривает эту причину в глобальном смысле и полагает, что она в принципе обусловила все узурпации в означенный период времени (SHA Tyrann. trig. 1). Примечательно, что провозглашению предшествовала какая-то внутренняя борьба Сатурнина: будучи «лучшим полководцем» Галлиена, т. е. служа ему, он, тем не менее, «управлял войсками не по способу своего императора (Галлиена — И. М.), а по своему собственному». Таким образом, в нескольких словах автор предлагает драматическую картину постепенного разочарования достойного полководца в правителе, итогом чего становится узурпация. Интересно, что у «Флавия Вописка» узурпатор Юлий Сатурнин, обращаясь к солдатам после провозглашения, подчеркивает свое уважение к императору Пробу: *me aemulum esse cupitis, cui libens cedo et cuius esse dux cupio* (SHA Firmus et al. 10.3). Учитывая представленное выше исследовательское мнение о сходстве жизнеописаний двух Сатурнинов, отметим важное различие: моральная проблема первого состоит в разочаровании императором, которому он хотел бы служить, тогда как второй императором не разочарован, но волей солдат принужден от него отложиться.

Далее автор переходит к краткому описанию церемонии провозглашения: *hic ea die, qua est amictus a militibus peplo imperatorio, contione adhibita dixisse fertur: commilitones, bonum ducem perdidistis et malum principem fecistis*. Говоря о «дне» провозглашения, автор не дает никаких указаний на конкретную дату. Более того, нет и косвенных данных, которые помогли бы ее вычислить — единственным хронологическим указанием является правление Галлиена. Неизвестно также, какие военные части представляли солдаты, провозгласившие Сатурнина императором. Отметим, что в отношении иных

узурпаторов «Требеллий Поллион» более аккуратен. К примеру, об Ингенуе он сообщает: «*Tusco et Basso consulibus <...> Ingenuus, qui Pannonias tunc regebat, a Moesiacis legionibus imperator est dictus, ceteris Pannoniarum volentibus*» (SHA Tyrann. trig. 9.1). Здесь присутствует точная датировка по консулам («в консульство Туска и Басса» = 258 год), дополненная временем пребывания Ингенуя в конкретной должности («Ингенуй, управлявший тогда Паннониями»), а также указание не только на военные части, осуществившие провозглашение, но и на легионы, которые это решение поддержали («был провозглашен мезийскими легионами с согласия прочих паннонских легионов»). Это обстоятельство указывает нам на примечательную странность авторского поведения: «Требеллий Поллион», перейдя уже непосредственно к узурпации, т. е. к кульминации жизнеописания, не трудится предложить читателю какие-то уточняющие детали, чтобы придать своему рассказу большую убедительность.

Из деталей провозглашения особое внимание привлекает императорская инсигния, а также речь самого нового императора. В качестве символа власти названо некое одеяние — *perlum imperatorium*. *Perlum* — деталь женского гардероба⁸, потому не совсем ясно, что автор имеет в виду. Отечественные комментаторы (Доватур 1992: 369) обратили внимание на деталь в жизнеописании другого узурпатора, Цельза: его, за неимением подходящего облачения, нарядили в *perlum* со статуи местной богини (SHA Tyrann. trig. 29.1). В схожей ситуации оказался и Юлий Сатурнин (SHA Firmus et al. 9.3): он был наряжен в облачение богини Венеры⁹. Отметим, что использование детали женского гардероба находит параллель с рассказом Аммиана Марцеллина о провозглашении августом цезаря Юлиана, в ходе которого воины предлагали ему возложить на голову, за неимением диадемы, что-то из украшений жены. Юлиан отвечал, что «женское украшение было бы неподходящей приметой для первого момента власти» (Res Gest. XX.4.18). *Vir bonus*, обряженный в непонятное женское

⁸ Само слово заимствовано из греческого, где означает, среди прочего, накидку, надеваемую на статую Афины (Oxford Latin Dictionary 1964: 1326). В этом качестве *perlum* упомянуто у Вергилия (Aen. I.480).

⁹ Р. Сайм видит сходство этих деталей провозглашения Цельза и Юлия Сатурнина, однако эпизод с интересующим нас Сатурнином обходит стороной, хотя он ему также известен (Syme 1968: 56).

облачение, выглядит несколько неуклюже, и эта неуклюжесть интересным образом соотносится с речью Сатурнина. Автор приводит его слова: *commilitones, bonum ducem perdidistis et malum principem fecistis* («соратники, вы потеряли хорошего полководца и создали плохого государя»). Ставший на путь узурпации из чувства неприятия к Галлиену, Сатурнин вдруг обнаруживает нежелание принимать власть. Однако слова его правильно увязать с внутренней борьбой, о которой автор сообщает выше, а также общей нелепостью ситуации, когда для провозглашения использован элемент женского гардероба. Подобно Юлиану, Сатурнин имел все основания заметить, что, начавшись так нелепо, его правление не будет удачно. Характерно, что свои слова он произносит перед солдатами, которых впервые собрал на сходку в своем новом качестве. Здесь, кажется, автор использует неоднократно озвученную в сборнике SHA мысль о том, что для военачальника провозглашение императором — своеобразный рубеж, после которого он неизбежно потерпит неудачу. Объяснение этой мысли выражено в словах императора Проба, передаваемых «Флавием Вописком»: «Это вам невыгодно, воины, вам со мной не будет хорошо: ведь я не могу заискивать перед вами» (SHA Prob. 10.5). В письме Проба к префекту претория Капитопу (по всей видимости, фиктивном) содержится расшифровка этой мысли: «Отказаться от дела, навлекающего на меня столько ненависти, мне нельзя. Я должен играть ту роль, какую навязали мне воины» (SHA Prob. 10.6–7). Иными словами, между ролями полководца и императора SHA проводят определенное различие, суть которого состоит в том, что первому подобает быть строгим и требовательным, тогда как второму — более мягким в отношении солдат. Естественно, что *vir bonus*, не могущий меняться в силу своей внутренней убежденности, станет «плохим императором» в том смысле, что он будет плох для солдат, ожидающих от него заискивания. Пример тому — император Проб, типичный *vir bonus*¹⁰, который, борясь с бездельем солдат, изнурял их сельскохозяйственными работами (SHA Prob. 21.2). Еще один важный аспект — именно сам факт узурпации. Сатурнин — по задумке автора — тиран, но стал он таковым на волне солдатского мятежа. Таким образом, автор развивает трагичес-

¹⁰ «Флавий Вописк» подчеркивает, что Проб был достойным человеком, неоднократно обыгрывая значение его имени: *probus* — честный (SHA Prob. 4.3; 8.5).

кий мотив безвыходной ситуации: связывавший с узурпацией высокие цели, герой очевидно разочарован от осознания, что стал лидером мятежных солдат, потакать которым, к тому же, не сможет в силу личных убеждений.

Этот пессимизм Сатурнина определяет всю дальнейшую логику рассказа: *denique cum multa strenue in imperio fecisset, quod esset severior et gravior militibus ab iisdem ipsis a quibus factus fuerat interemptus est* (SHA Tyrann. trig. 23.4). Гибель Сатурнина представлена как результат развития его качеств: он *strenuus*, т. е. «деятельный» (каковым и бывает *vir bonus*), а его *gravitas* приобретает оттенок суровости (*severitas*). Итогом становится низвержение и гибель от рук воинов, «тех же самых, которые объявили его императором» — как отмечает автор.

Впрочем, автор не завершает жизнеописание на этой драматичной ноте, а предлагает вниманию читателя анекдот: *huius insigne est quod convivio discumbere milites, ne inferiora denudarentur, cum sagis iussit, hieme gravibus, aestate perlucidis* (SHA Tyrann. trig. 23.5). Это сообщение автора выпадает из общего контекста жизнеописания и своей курьезностью разрушает весь накал драматизма. Рассказ выглядит несколько запоздалой попыткой придать жизнеописанию конкретику: не сообщив точной даты выступления Сатурнина, не дав географической привязки, автор вдруг решает представить читателю конкретное распоряжение узурпатора. Это тем более заметно, что «Требеллий Поллион» указывает на «примечательность» решения Сатурнина. Сама суть распоряжения ничтожна: она касается порядка поведения за столом, хотя до этого речь шла о военачальнике, который встал на путь узурпации из чувства сопротивления недостойному Галлиену. Примечательно и то, что Сатурнин учитывает погодные изменения, предлагая воинам в летний период времени тончайшие, прозрачные (*perlucida*) плащи. Это плохо соотносится с образом строгого военачальника. Отметим, впрочем, что сам сюжет мог быть подсказан автору его наработками. В жизнеописании Галлиена «Требеллий Поллион» сообщает, что при этом императоре военные стали возлежать на императорских пирах в поясах, между тем как до того они их снимали. Наиболее вероятной причиной этого нововведения автор считает случай, когда Салонин, сын императора Галлиена, снял с оставленных военными поясов драгоценные украшения (SHA Gall. duo 22.2–3). Этот анекдот автор точно также оставляет «на закуску» и помещает его в завершение жизнеописания Галлиена и его сына

Салонина. Свой рассказ он завершает словами о том, что подобные сведения кажутся ему «достойными того, чтобы их отметить и запомнить». Застольное нововведение Сатурнина он также считает «замечательным». Таким образом, перед нами «замечательная» подробность, которая кажется сконструированной по образцу и призванной внести в очень литературное жизнеописание элемент исторической конкретики. Впрочем, здесь авторское решение выглядит неудачным.

Подведем итог всему сказанному. Жизнеописание узурпатора Сатурнина, несмотря на очевидно вымышленный характер, является сложным литературным произведением. Во-первых, при небольшом объеме оно богато аллюзиями. Некоторые из них лежат на поверхности: Сатурнин имеет тезку и «коллегу» (тоже узурпатора) во времена правления Проба, ему, как и целой плеяде императоров этого периода, некогда покровительствовал Валериан. Иные требуют от читателя знакомства с римской историей, как в случае с не совсем очевидной отсылкой к образу Траяна. Во-вторых, жизнеописание Сатурнина являет собой искусную ловушку для историка: минимальное количество конкретики внутри самого текста отчасти компенсируется данными вне его. Это касается не только жизнеописания Юлия Сатурнина, где нарочито подчеркивается, что два Сатурнина не являются одним и тем же лицом, но и сообщением о консульстве некоего Сатурнина в 264 году. Известие о консуле Сатурнина вынесено в жизнеописание Галлиена, где соседствует с упоминанием узурпатора: автор делает все, чтобы максимально сблизить два эти элемента, однако не дает окончательного ответа о тождестве консула и узурпатора. Третье примечательное обстоятельство — это драматизм. В немногих словах автор дает читателю представление о развитии внутреннего убеждения своего героя, показывает его эмоциональное состояние. Сатурнин переживает два разочарования: вначале Галлиеном, а затем своим выступлением. Эта линия завершается его трагической гибелью, которая вызвана нежеланием поступиться своими качествами, среди которых — требовательность и строгость. Неудачен лишь финал, которым автор пытается через анекдот привнести элемент конкретики. Впрочем, сама его вторичность и нелепая курьезность позволяет предполагать здесь авторскую шутку.

Список сокращений

- CUP — Cambridge University Press.
 SHA — *Scriptores Historiae Augustae*.
 PLRE — *Prosopography of the Later Roman Empire*.
 PIR — *Prosopographia Imperii Romani*.
 PWRE — *The Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* (Pauly–Wissowa).

Список литературы

- Albrecht, M. von. 2005: *Istoriya rimskoy literatury* [Geschichte der römischen Literatur]. Т. III. Moscow: Yu. A. Shichalin's Graeco-Latin Caninet.
 Альбрехт, М. фон. 2005: История римской литературы. Т. III. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина.
- Barnes, T. D. 1972: *Some Persons in the Historia Augusta*. Phoenix 26 (№2), 140–182.
- Barnes, T. D. 2014: *Constantine: Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire*. Malden–Oxford–Chichester: Blackwell Publishing Ltd.
- Birley, A. 2003: *The Historia Augusta and Pagan Historiography*. In: Marasco G. (ed.). *Greek and Roman historiography in late antiquity: fourth to sixth century A.D.* Leiden–Boston: Brill, 127–149.
- Dovatur, A. I. 1992: *Vlasteliny Rima: biografii rimskikh imperatorov ot Adriana do Diokletiana* [Masters of Rome: imperial biographies from Hadrian to Diocletian]. Moscow: Nauka.
 Доватур А. И. 1992: Властелины Рима: биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. М.: Наука.
- Estiot, S. 2002: *Le tyran Saturninus: le dossier numismatique*. In: Bonamente, G. Paschoud F. *Historia Augustae Colloquium Perusinum VIII*. Bari: Edipuglia, 209–241.
- Hengst, D. den 2010: *Emperors and Historiography: Collected Essays on the Literature of the Roman Empire*. Leiden; Boston: Brill.
- Hohl, E. 1939: *Triginta Tyranni*. In: PWRE. VIIA. 13. Halbband, 129–132.
- Hohl, E. 1965: *Scriptores Historiae Augustae*. Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri.
- Johne, K.-P. 2008: *Die Histora Augusta*. In: Johne K.-P., Hartmann U. und Gerhardt T. *Die Zeit der Soldatenkaiser*. I. Band. Berlin: Akademie Verlag, 45–52.
- Jones, A. H. M., Martindale, J. R., Morris, J. 1971: *PLRE*. Vol. I. Cambridge: CUP.
- Kienast, D. 2004: *Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Oxford Latin Dictionary. Oxford: at the Calrendon Press, 1968.

- Rohden, P. de, Dessau, H. 1897: PIR. Pars III. Berolini: apud G. Reimerum.
- Southern, P. 2001: The Roman Empire from Severus to Constantine. London–New York: Routledge.
- Stein, A. 1921: Saturninus. In: PWRE. IIA. Halbband III, 213.
- Syme, R. 1968: Ammianus and the Historia Augusta. Oxford: at the Clarendon Press.
- Webb, P. H. 1968: RIC. Vol. V, part. II. London: Spink & son, Ltd.